

ПОМЕЩИКИ ЦЫБУЛЬСКИЕ: ПРАВЫ ОДНОЙ ШЛЯХЕТСКОЙ СЕМЬИ

В статье на основании дела «О блудной и расточительной жизни помещиков Цыбульских» из фонда 2512 (фонд содержит документы Витебского губернского дворянского собрания) рассматриваются события из жизни помещиков Витебской губернии Цыбульских. Дело было заведено в 1854 г. Последние свидетельства в деле относятся к 1859 г. Содержание многостраничного документа (79 листов) интересно тем, что раскрывает подробности быта, уровень образования, нравственности трех поколений шляхетской семьи Цыбульских на протяжении длительного периода. События, описанные в деле, охватывают период с 1838 г. по 1859 г.

В конце XVIII в. на дворянство Беларуси было распространено принятое в России со времён Петра I деление на потомственное и личное. Согласно Жалованной грамоте 1785 г. потомственное дворянство делилось на шесть разрядов: 1) жалованное; 2) военное; 3) полученное за выслугу чина на гражданской службе, или в результате награждения российским орденом; 4) иностранные роды; 5) титулованное; 6) древние благородные роды [1, с. 161–163]. Мы проанализировали распределение по разрядам 537 родов Витебской губернии за 1847–1855 гг. Выяснилось, что к первому разряду относились 21,6 % местных дворян, ко второму – 4%, к третьему – 6,1%, к шестому – 67,5%. Представители иностранных родов не были обнаружены, титулованное дворянство составляло менее 1 % от общей массы сословия в губернии [2]. Таким образом, абсолютное большинство (около 90 %) витебского дворянства принадлежали к высшему сословию по происхождению, а не в результате продвижения по карьерной лестнице.

К такому большинству принадлежала семья помещиков Цыбульских. В 1854 г. Казимир Цыбульский официально обратился к генерал-губернатору Витебской, Могилевской и Смоленской губерний П.Н. Игнатьеву. Он жаловался, что витебский мещанин Мартин Микулин, бывая в принадлежащей его имени Смоляки деревне Высокой распускал слухи о поражении русских войск в Крыму. Уверял крестьян, что неприятель «скоро придет в наш край для освобождения крестьян от помещичьей власти» [3, л. 30]. Такое поведение Микулина стало причиной того, что крестьяне Цыбульского вышли из повиновения, отказывались подчиняться распоряжениям помещика.

Генерал-губернатор П.Н. Игнатьев поручил разобраться со столь тревожными известиями чиновнику по особым поручениям штаб-капитану Апухтину. Последний выяснил:

1) имение Смоляки и 21 чел. крестьян в нём ранее принадлежали Варваре Ольшанской (бабушке Казимира Цыбульского), которая передала его в собственность внукам;

2) в связи со смертью отца малолетних Цыбульских над имением в 1838 г. была назначена опека. По достижению Казимиром совершеннолетия опека в 1848 г. была снята и оставлена только на части имения младшей сестры;

3) опекун управлением имением не занимался; 12-летняя Цыбульская, «не знает азбуки, ходит полунагая» [3, л. 30об.];

4) распоряжается имением Казимир Цыбульский по советам поселившегося у них дворянина Сипайло;

5) при жизни отца Цыбульских имение было в хорошем состоянии. Но под управлением сына ситуация изменилась. В 1854 г. по имению числилось: недоимок податей и повинностей 922 руб., ссуды на 891 руб, а всего долгов на 1811 руб 55 коп серебром. Семейство находилось «в величайшей нищете, так что не имеют ни обуви, ни платья и спят на соломе, а на днях последняя штука холста была отдана в корчму под залог на вино и табак» [3, л. 31];

6) в имении живет дворянка Есипович, имеющая ребенка от Цыбульского, и дворянин Сипайло, 50 лет, бросивший жену и детей и имеющий незаконную связь с сестрой Цыбульского;

7) 23-летний Казимир Цыбульский нигде не служил и ничему не учился, несмотря на все старания его родственников. Старшие сестры были определены в пансион, откуда они сбежали. По утверждению Апухтина, «разврат и бедствия дошли до такой степени, что все они пьют вино, так что крестьяне стыдятся сознавать их господами» [3, л. 31 об]. Никакой отчетности о службе крестьян в имении не велось [3, л. 32];

7) Казимир Цыбульский по советам Сипайло изыскивает возможные средства, чтобы завладеть собственностью крестьян. В частности, крестьянин Борис Евдокимов (73 лет), четыре года тому назад, был взят из зажиточного крестьянского двора для работ в господском доме, а вместе с ним скот (корова, два теленка и 2 овцы). Телят и овец Цыбульские съели, корову кто-то украл, за что помещики отняли последнюю корову у Емельяна Трофимова (в ту ночь он был сторожем). Старик Борис Евдокимов был отправлен домой с пустыми руками. Кроме того, у крестьянина Емельяна Трофимова, не имевшего лошади, Цыбульские забрали запас сена на 15 руб серебром, пообещав купить ему лошадь. Но на протяжении двух лет обещание не выполнили;

8) мещанин Микулин никаких слухов не распускал. Недовольство крестьян было вызвано тем, что весной 1854 г. Цыбульский собрал их и предложил им присягнуть, что они имеют нужду в продовольствии. Крестьяне ему отказали, так как под этим предлогом он уже получал ссуду, но им ничего не дал. А между тем, в Витебской губернской комиссии народного продовольствия обнаружилось «клятвенное обещание» трех крестьян Емельяна Трофимова, Николая Федорова и Никиты Евдокимова о необходимости ссуды. Николай и Емельян заявили Апухтину, что не присягали, а Никита давно находится в бегах. Присяга за крестьян подписана дворянином Толвинским и засвидетельствована священником Ранчевским. Цыбульский получил в качестве ссуды 18 четвертей ржи, в имение привез не более 9 четвертей. Крестьянам роздал одну четверть [3, л. 33];

9) ещё в 1852 г. крестьяне жаловались, что Цыбульский получил ссуду на семена, а им ничего не дал, отбирал у них скот, сено, делал дополнительные поборы. По распоряжению гражданского губернатора местный земский исправник (родной брат Ольшевской и дед Цыбульских) провел расследование и уведомил, что крестьяне Цыбульских «по малолетству владельца разбаловались, вывели к пьянству, истребляют лес для продажи дров в Витебске» [3, л. 32]. После такого доклада никаких мер по отношению к Казимиру Цыбульскому не последовало [3, л. 32об].

На основании доклада Апухтина генерал-губернатор П.Н. Игнатьев в июле 1854 г. поручил младшему чиновнику для особых поручений при Витебском гражданском губернаторе Антушеву открыто произвести формальное расследование. Антушев допросил всех участников событий. Они дали противоречивые показания. Собственную проверку по данному делу позднее провело и Витебское дворянское депутатское собрание.

1. К. Цыбульский утверждал, что имение было разорено арендаторами, а он пытается привести его в порядок с помощью дворянина Сипайло. Подтвердил, что брал ссуду, причем полученным зерном засеял все яровые поля, исключая неудобья. У Емельяна Трофимова действительно забрал 50 пудов сена и корову за то, что крестьянин выкашивал господские луга, не выполнял в полном объеме барщину, а во время его ночного дежурства была украдена корова. Лошадь Трофимову была давно куплена и отдана. У крестьянина Бориса Астафьева действительно отобрали все имущество «за воровство и дурные поступки» [3, л. 33].

2. До помещиков Янушковского и Бартушевича слухи о «блудной жизни» в соседском имении доходили. Но подтвердить что-либо они отказались, так как «в Смоляках не бывают» [3, л. 35].

3. Опекун Сабины Цыбульской губернский секретарь Краснодембский 1854 г. уведомил, что он состоял опекуном всего лишь 14-й части имения Смоляки, доходов с которой в пользу своей подопечной не получал. В 1853 г. он передал 35 рублей на одежду для Сабины её матери и брату из собственных средств, о чем имеет расписку. Почему ребенок ходит без одежды, ему не известно. Кроме того, Краснодембский предлагал отдать девочку в приют в г. Витебске. Но её мать и бабушка обиделись на это предложение, сказали, что обучать её будут сестры, получившие хорошее воспитание [3, л. 63].

4. Крестьяне имения Смоляки показали, что они (кроме 80 летнего Бориса Астафьева) барщину выполняли исправно, что дворянин Сипайло научил владельца имения незаконно отбирать у них имущество [3, л. 35].

5. Цыбульский был уличен «в прижитии с Уршулей Есипович ребенка», на воспитание которого Варвара Ольшанская и Елизавета Цыбульская обязались выплачивать по 5 рублей серебром ежемесячно [3, л. 35об.].

1 мая 1856 г. уездный суд постановил:

- 1) мещанина Микулина к ответственности не привлекать;
- 2) крестьян от ответственности освободить;
- 3) Казимира Цыбульского, сестру его Леокадию и дворянку Уршулю Есипович за блудную жизнь подвергнуть церковному покаянию. Дворянина Сипайло оставить в подозрении в прелюбодеянии.

6. 4 июня 1856 г. губернская палата уголовного суд представила окончательное решение по этому делу на рассмотрение гражданского губернатора Г.Д. Колокольцева. Члены палаты просили сделать распоряжение о взятии имения в опеку «по случаю развратной и беспутной жизни владельцев» [3, л. 36].

7. На основании 364 ст. XIV тома Устава о предупреждении и пресечении преступлений губернатор Колокольцев 9 августа 1858 г. направил материалы дела в Витебское губернское дворянское депутатское собрание [3, л. 36об.].

8. Несмотря на то, что собрание занималось этим делом до февраля 1859 г., его члены так и не смогли установить, кому принадлежало имение Смоляки. Ольшанская утверждала, что является его собственницей, а бумаги в пользу внуков её зятем были оформлены незаконно.

9. Членам собрания не удалось также установить принадлежность к дворянскому сословию ни Сипайло, ни Цыбульских [3, л. 62–63].

10. Зато собрание выяснило, что после смерти тетки малолетние Цыбульские получили 1500 рублей деньгами и вещей на 500 рублей серебром. Когда и на какие цели эти средства были потрачены осталось неизвестным [3, л. 53].

11. Варвара Ольшанская засвидетельствовала, что Сипайло был приглашен в дом по её инициативе. Она хотела, чтобы он привел имение в порядок, а внук занялся службой [3, л. 57].

12. Леокадия Цыбульская заявила, что она беременна от молодого человека ей незнакомого, с которым встретила в лесу, и «за грех свой ответит перед Богом», а претензий ни к кому не имеет [3, с. 58]. Правда, по показаниям крестьян Сипайло и Леокадия Цыбульская, Казимир и Уршуля Есипович спали всегда вместе [3, л. 60]. В ответ Леокадия возразила, что крестьяне оговаривают Сипайло за то, что он прекратил воровство хозяйского добра в имении. Сам Казимир Цыбульский в качестве возможного отца указал на помещика Бирулю и заявил, что рожденного ребенка своим не признает, так он появился на свет через пять месяцев после его знакомства с Уршулей [3, л. 61об.]. Точку в споре поставил Сипайло, подтвердив, что именно Цыбульский лишил девицу невинности, а его мать и бабушка обязались выплачивать на содержание дочери Казимира по 5 рублей [3, л. 62].

13. В результате Витебское губернское дворянское депутатское собрание пришло к выводу, что имение Смоляки нельзя отдать под опеку, т.к. ни Цыбульские, ни Ольшанская в жестоком обращении с крестьянами не были замечены [37]. Члены собрания рекомендовали Цыбульскому возратить крестьянам Борису Евдокимову и Емельяну Трофимову их имущество [3, л. 38].

14. Иначе говоря, гора родила мышь. За грабеж крестьян, прелюбодеяния, подделку документов, разворовывание казенной ссуды, наконец, появление незаконнорожденных детей никто не понес наказания. Потому что представителей дворянского сословия судили представители дворянского сословия на основании законов, написанных представителями того же сословия. Так был устроен судебный механизм Российской империи. В этой истории есть «маленький» нюанс, характерный для белорусских губерний. Ни Сипайло, ни Цыбульские, ни Есипович свою принадлежность к дворянству не доказали, а правами сословия пользовались в полной мере. Но этот вопрос достоин отдельного рассмотрения.

1. Дворянская империя XVIII в. (главные законодательные акты): сборник документов / сост. М. Т. Белявский. – М.: Издательство Московского университета, 1960. – 224 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). – Фонд 2512 (Канцелярия Витебского дворянского депутатского собрания). Оп. 1. Д. 372.
3. НИАБ. – Фонд 2512. Оп. 1 Д. 436.